

Два лица Тинто Брасса

Не успел фестиваль стартовать, как начались обычные для нашей страны «неразрешимые» русские вопросы из серии «кто виноват?» и «что делать?»

Дилара ТАСБУЛАТОВА

Тест на выживание

Судите сами: в 10 утра начинаются конкурсные просмотры (насколько я понимаю, самая важная часть фестиваля) и в то же самое время, то есть в 10 часов утра, вы должны отстоять в длинной очереди за... билетом (!), чтобы попасть на просмотры внеконкурсные, не менее важные для контекста фестиваля. Таким образом, надо как-то раздвоиться, быстренько приобрести себе астрального двойника. В фестивальной службе мне так и сказали (а первые два дня я потратила на обивание порогов недоступного и надменного начальства): мол, а вы бы не могли посылать а т ь кого-нибудь за билетами? Но я же не Марлен Дитрих, чтобы содержать штат прислуги, да и какой «посылный» может сориентироваться в ежесекундно меняющейся программе?

Окончание на 6-й странице

Два лица Тинто Брасса

Окончание.
Начало на 1-й странице

Кроме того, и это самое смешное на этом фестивале, на руки вам дают... два билета, не более. Мол, хватит с тебя, нечего перегружать глаза и смотреть в день три-четыре, а то и, не дай бог, пять-шесть фильмов. Так что первый день прошел в неутомимой борьбе с человеческой глупостью, утро второго — в очередях, и лишь к вечеру я решила плюнуть и покупать билеты (рубλικов эдак за двести на каждый сеанс) самостоятельно. Как сказано — не надейся и не проси (но вот что сами принесут — тут даже великая цитата ошибается).

Одним словом, не фестиваль, а тест на выживание. Поговаривают даже, что из-за плохой организации он рискует потерять классификацию «А». И то правда — после двухчасового стояния в очередях и хамства на каждом шагу последние остатки патриотизма испаряются даже у самых нетребовательных. Особая же изощренность заключается в том, что иным изданиям предоставляется карт-бланш и карточка с правом «прохода везде» (стоит ли упоминать, что далеко не все привилегированные журналисты этих привилегированных изданий знают, кто такой Тео Ангелопулос, и что, скажем, китайское кино давным-давно завоевало весь просвещенный мир, и посему пренебрежительные комментарии здесь более чем неуместны).

Несмотря на бесконечные преплоны, удалось прорваться на просмотр нескольких фильмов, попасть на программу Петра Шепотинника «Восемь с половиной фильмов», потусоваться в Манеже, а главное — поговорить с Тинто Брассом (исключительно благодаря стараниям линейного менеджера Наташи Морозовой, сжалившейся, наконец, над рыдающей тетей). И, разумеется, прочувствовать, пока суд да дело, атмосферу фестиваля.

Атмосфера, скажу сразу, несколько парадоксальная (впрочем, так и было задумано — как сюрреалистический монтаж из разнонаправленных явлений). После строгих и одухотворенно-аскетичных заявлений таких арт-режиссеров, как Тео Ангелопулос и Чжань Юань, подтверждающих свои инвективы собственным образом жизни и творчеством, — раскованная романская повадка итальянского «порнографа» Тинто Брасса, сорок раз во всех без исключения интервью упомянувшего про «попку», что, в отличие от лица, она «не лжет и не изменяет». Синьор Брасс (между прочим, человек весьма умный и утонченный) — из тех, кто обожает жизнь во всех ее проявлениях, способен бескорыстно воспеть женщину и не смешивает секс со смертью

(по-умному говоря, Эрос с Танатосом). Судя по всему, это мало кто заметил.

Радость игры и свободы

У маэстро Брасса как бы два лица — ерническая маска специально для нетребовательной публики (недаром его обожают желтые издания) и восторженная — очарованного странника, не устоящего поражаюсь красоте мира, венецианца старой закалки, для

которого так важен культ женщины. Г-н Брасс иногда бывает обворожительно серьезен.

— Я в восторге от того,

что в Москве меня узнают, — говорит Тинто Брасс. — Италия для русских — это мафия, спагетти и мои фильмы. Это ужасно лестно! Меня пригласили с моим последним фильмом, а далеко не все фестивали приглашают эротические фильмы. Следовательно, Россия признает художественную ценность эротики! Я собираюсь еще раз приехать в Россию, снять здесь фильм и найти еще одну исполнительницу главной роли — русскую.

— Синьор Брасс, насколько я понимаю, во главу угла вы ставите женщину, не рассматривая ее как «греховное созда-

ние», «отвлекающее» мужчин от их ученых занятий?

— Да, у меня абсолютно другая концепция эротики. На западной культуре лежит сознание греха, и Эрос связан с Танатосом, то есть со смертью. Западная культура боится эротики, ибо, как она полагает, за наслаждением следует наказание, для меня же радости плоти — это радость игры и Свободы, за которой не следует ничего, кроме нового наслаждения.

— Это женская точка зрения. В чем-то даже феминистская.

— Но фильмы же обычно мужчины снимают! У меня же женщины не являются объектом мужского удовольствия, она сама ведет игру, и она сама — субъект желания. И она сама нарушает запреты.

— Красота, очищенная от порока, — это что, такой венецианский взгляд на мир? Вы ведь венецианец?

— Да, я вырос в Венеции, среди соборов и визуальной гармонии, на живописи Джорджоне. И всегда был под влиянием этой красоты. И тем не менее мои фильмы начинаются с отрицания многих культурных условностей. Мой

первый эротический фильм «Ключ» — и есть ключ к пониманию моего отрицания культурного лицемерия. Там, если вы помните, импотент-интеллектуал, целуя попку (опять попка! — Д.Т.) своей жены, шепчет: «Где вы все — Тициан, Джорджоне, Веронезе... Почему вы не укрепляете мой...?!»

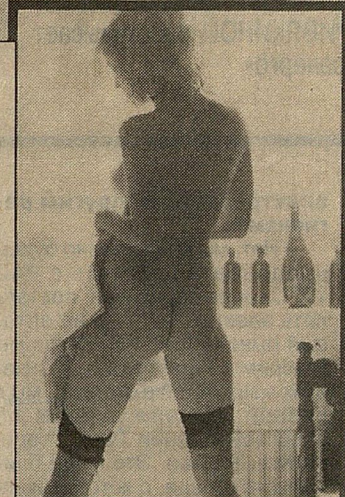
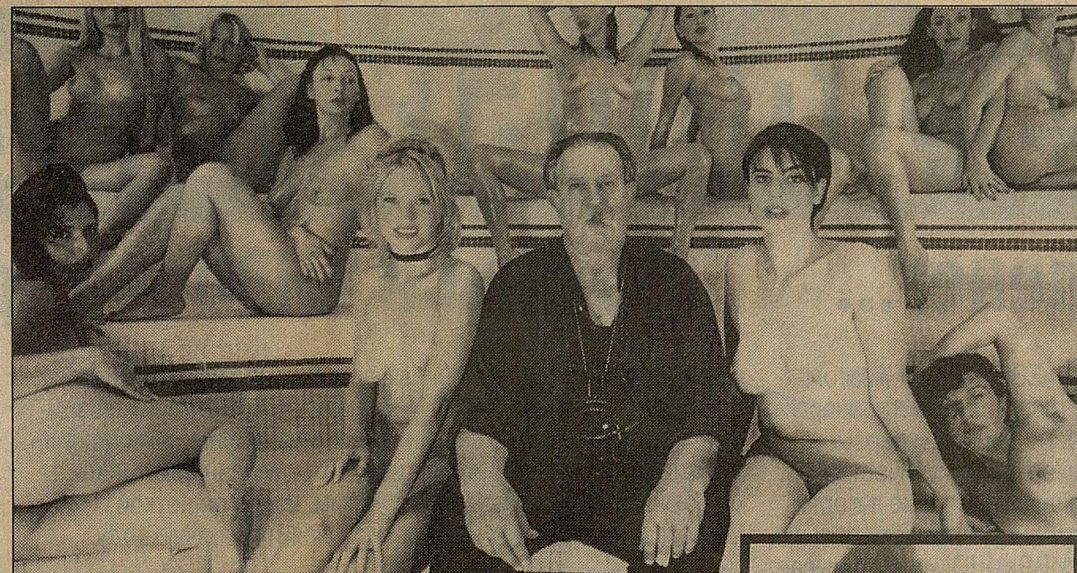
— Ха-ха! А что, женщина меньше лицемерит?

— Она более естественна. И ее эротизм, замешанный на воображении, гораздо интереснее. Меня это всегда чрезвычайно интересовало, и сейчас я даже принимаю читать женские эротические романы — впечатление такое, будто присутствуешь при извержении вулкана. Как будто магма, таившаяся до поры до времени где-то в недрах, наконец-то изверглась!

— Маркиза де Сада и посадили за то, что он хотел высвободить эротическую энергию женщины.

— А ведь женский эротизм намного радостнее и свободнее, чем мужской!

— Это заметно, если сравнивать ваши фильмы и сцены из других фильмов мужчин-режиссеров, полные насилия и



унижения. Унижения женщины прежде всего.

— Я ненавижу насилие, и никогда не показываю его, а что касается взрыва эротики и секса — даже в грубых его формах — на экране, то напомним, что еще Трюффо говорил, что мы когда-нибудь расплатимся за умолчание о сексе. И даже победитель последнего Каннского фестиваля, Ларс фон Триер, заявил, что следующий его фильм будет порнофильмом.